

ВОСПОМИНАНИЯ

«В первую ночь Великой Отечественной войны вся наша улица (кажется, Плеханова) в Гомеле была разбомблена. Бомбили завод Кирова, и все, кто был дома, оказались под обломками. Накануне мама собрала нас - меня и младшую Раю - в деревню Бобовичи в 12 км от Гомеля. Оставив нас у своего брата Павла, ушла обратно пешком в город, так как надо было идти на работу на хлебозавод. В эту ночь мы детьми смотрели на огромное пожарище и дым. Все содрогалось от взрывов... Пробираясь утром после смены домой между бомбежками, мама увидела одни горящие руины вместо нашей улицы. Так в первый день войны мы оказались без жилья. Очень много было пустых частных домов, так как все евреи, кто успел, эвакуировались. Мы ютились в чужом доме...

Мы враз все повзрослели. Началась жизнь в оккупационном городе - все старались не выходить на улицу, если у кого было что-то в запасе для питания. По ночам вылезали на ближайшее поле, чтобы набрать стоящего в колосе зерна, картошки... К нам приходил мамин брат, привозил в тележке картошку, овощи.

«Мама выкупила военнопленного за 10 яиц, сказав, что это ее муж»

Мы ходили в ближайший лесок, искали чернику и грибы. Один раз при входе в город увидели впереди много немцев. Мы сразу съели чернику. Когда мы подошли ближе, нас всех начали трясти, мы открывали рты и показывали языки. У нас ничего не нашли, но очень сильно избили и оставили там. Пролежали мы прилично. Дома напугали маму - трое суток или больше мы не могли встать. Больше нам не разрешили ходить в эти походы...

...В один из дней нас собрала мама, и мы пошли с ней в концлагерь для военнопленных, который находился на территории фабрики «Труд». Весь лагерь был обнесен колючей проволокой. В то время за 10 яиц можно было выкупить одного пленного. На проходной у фабрики мама выкупила военнопленного, сказав, что это ее муж. Человек еле стоял на ногах, был весь в засохших бинтах. Дома мама с сестрой обработали раны, нас из дома не вы-

Мария (слева) с мамой и сестрой Раисой жили в оккупированном Гомеле. На фото - в 1954 году.

пускали, а мужчина лежал и тяжело стонал...

Потом уже с курицей мы пошли в тот же концлагерь, но уже с другой проходной. Все повторилось, как и в первый раз. Отлежавшись несколько дней, мужчина исчез. Мы вопросов не задавали.

В очередной раз при приезде дяди Павла с корзиной котлет, так вкусно пах-

нуших, мы повторили свой визит, но уже к третьей проходной. Мама пришла в очередной раз к нам с таким же измученным человеком. Через несколько дней повторилось то же...

Через некоторое время к нам пришел гестаповец Людвиг, который хорошо говорил по-русски. Вот тут мы и узнали, как больно бьет ре-

зиновая дубинка. Мы были избиты и напуганы... Он тряс нас за волосы, задавал вопросы... Людвиг нас стал посещать постоянно. Это были дни и ночи страха. Мы переходили из дома в дом, но он нас всегда находил.

...Я помню первый день освобождения Гомеля. На рассвете стали слышны несильные выстрелы, мы все проснулись и напрялись. Потом мы услышали русскую речь, играла музыка. Мама строго приказала не вылезать, а сама ушла. Прошло много времени. Наконец в землянку вползла мама, громко сказала: «Наши пришли!» - и обняла нас всех. Так мы какое-то время сидели, обнявшись, и вместе плакали.

Какое было счастье, когда мы прибежали к реке, увидели, как через Сож переплывались танки, пушки, и на берегу было много военных, которые старались нас обнять. Мы увидели на большом камне седого старика с бородой. Около него уже было немало таких, как мы. Он табакеркой отбивал кусочки сахара и всем раздавал. И уже после мы узнали, что это был легендарный дед Талаш».

Мария Ивановна БЕЛОВА,
Гомель.